

Гоголь въ зеркалѣ.

Профиль Н. В. Гоголя, набросокъ, сделанный незадолго до смерти великаго писателя.

Яркий и замѣтательный обликъ живого Гоголя рисуетъ статья въ московскихъ журналахъ извѣстнаго знатока русской старины и литературы Н. Ашукина.

Мемуарная литература Гоголя обширна и на тему «обликъ Гоголя» можетъ быть написана цѣлая книга. Здѣсь мы имѣемъ возможность только бѣглыми чертами набросать обликъ Гоголя, пользуясь для этого показаніями современниковъ.

С. Т. Аксаковъ, влюбленный въ Гоголя, увидя его впервые въ 1832 г., вспоминаетъ, что «было въ немъ что-то отталкивающее не допускавшее до искренняго утѣшенія». Читательскіе восторги и изліянія Аксакова были приняты Гоголемъ довольно сухо. Внешность Гоголя въ тѣ годы была «невыгодная для него: хохоль на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, въ выраженіи лица плутоватость». Гоголю было тогда 23 года. Къ этому времени уже были напечатаны «Вечера на хуторѣ», Гоголь шелъ къ славы, уже похоронивъ въ себя какъ въ писателя, а до того испробовавъ «множество родовъ дѣятельности — служебную, актерскую, художественную».

— Въ кругу литераторовъ 30-хъ годовъ — вспоминаетъ Анненковъ, — Гоголя любили. «Передъ этимъ кругомъ Гоголь всегда стоялъ просто, въ обык-

новенной своей позиціи, хотя сосредоточенный. Нѣсколько скрытый характеръ и склонность овладѣвать и управлять людьми не оставляли его никогда». Хитростью онъ умѣлъ затрагивать «струны человѣческаго сердца», но въ своемъ кругу былъ простъ и добродушенъ, «хотя и сохранялъ тонкій, м. б. невольный отбѣнокъ чувства своего превосходства и своего значенія». Въ тѣ годы онъ любилъ франтить, носилъ большіе, крѣпко накрахмаленные воротнички, пестрые жилеты, и былъ, по выраженію Аксакова, «франтикомъ въ модномъ фракѣ».

«Необычайная житейская опытность» Гоголя, — вспоминаетъ Анненковъ, — высказывалась на каждомъ шагу. Онъ чутко прислушивался ко всему, «схватывая жизнь налету».

Какой-нибудь канцелярскій анекдотъ о бѣдномъ чиновникѣ, услышанный имъ въ пріятельскомъ кругу, развертывался въ петербургскую повѣсть — «Шинель». Въ провинціальномъ трактирѣ онъ вступалъ въ оживленный разговоръ съ половымъ, «разспрашивалъ его откуда онъ, сколько получаетъ жалованья, гдѣ его родители, кто чаще другихъ заходитъ въ трактиръ, какое кушанье больше любятъ чиновники и какую водку употребляютъ, хороша ли городничій»...

И, быть можетъ, изъ этой бесѣды возникла потомъ страница разговора Чичикова съ половымъ, штрихи «Ревизора»... Шутки Гоголя «были такъ оригинальны и забавны, что неудержимый смѣхъ одолевалъ всѣхъ, кто его слушалъ, самъ же онъ всегда шутилъ не улыбаясь».

Но съ годами юморъ Гоголя погасалъ, онъ становился грустнѣе, задумчивѣе, уходилъ въ одиночество, хотя еще въ кругу близкихъ веселость его не покидала. Измѣнилась и его внешность петербургскаго франтика. «Сюртукъ, вроде пальто, замѣнилъ фракъ. Самая фигура Гоголя въ сюртукѣ сдѣлалась благообразнѣе».

«Гоголь, — писалъ въ 1846 г. изъ Рима Шевыревъ, — постарѣлъ, но приобрѣлъ особеннаго рода красоту, которую нель-

зя иначе опредѣлить, какъ красотой мыслящаго человѣка. Лицо его поблѣднѣло, осунулось. Глубокая томительная работа мысли положила на немъ ясную печать истощенія и усталости. Это было лицо философа. Оно отбѣнялось по старому длинными, густыми волосами до плечъ. Глаза Гоголя не только не потеряли своего блеска, но еще болѣе исполнились огня и выраженія».

«Человѣкъ маленькаго роста съ длинными бѣлокурыми волосами и необыкновенно длиннымъ и тонкимъ птичьимъ носомъ», говорилъ о Гоголѣ другой современникъ — Арнольди. «Онъ чрезвычайно странно тарантилъ ногами, неловко махалъ рукою, въ которой держалъ палку и сѣрую пуховую шляпу; былъ одѣтъ вовсе не по модѣ и даже безъ вкуса. Въ глазахъ замѣчалось какое-то нравственное утомленіе». Во всей фигурѣ Гоголя, вспоминаетъ Бергъ, было «что-то несвободное»... «Гоголь, — вспоминаетъ Панаевъ, — говорилъ мало, вяло и будто нехотя. Онъ казался задумчивъ и грустенъ... Въ его манерѣ вести себя было что-то натянутое, искусственное, тяжело дѣйствовавшее на всѣхъ, которые смотрѣли на него не какъ на генія, а просто какъ на человѣка».

«Гоголь ужасно мнителенъ», — писалъ о немъ одинъ изъ его друзей. — «Еще въ юности онъ постоянно жаловался на болѣзнь, хотя видъ у него былъ здоровый. На вопросъ, чѣмъ онъ боленъ, отвѣчалъ неопредѣленно, «что причина болѣзни его находится въ кишкахъ».

Поэту Языкову Гоголь объяснилъ, что болѣзнь его происходитъ отъ особеннаго устройства его головы и желудка, поставленнаго «вверхъ ногами». Постоянно, особенно въ сидячемъ положеніи, онъ чувствовалъ зябкость. Въ дорогѣ всегда кутался въ шинель, поднявъ ея воротничъ выше головы. (Любимая поза Гоголя, — въ ней изображенъ онъ на памятникѣ въ Москвѣ). Зябнулъ и кутался онъ и во время работы.

Аксаковъ однажды засталъ Гоголя за рабочимъ столомъ въ такомъ видѣ, что «сѣда не закричалъ отъ удивленія». Гоголь былъ въ самомъ фантастическомъ костюмѣ: «вмѣсто сапогъ — длинные шерстяные чулки выше колѣнъ; вмѣсто сюртука, сверхъ фланелеваго камзола бархатный спенсеръ (куртка); шея обмотана большимъ разноцвѣтнымъ шар-

фомъ, а на головѣ — бархатный, малиновый, шитый золотомъ кокошникъ, весьма похожій на головной уборъ мордовокъ».

Во всемъ у Гоголя были крайности, преувеличенія. Въ его письмахъ — то безграничное отчаяніе, то безмѣрная гордость, самые фантастическіе планы, основанные на мечтахъ, въ которыхъ и самыя онѣ уже вѣрили, какъ въ дѣйствительность. Онъ то сообщалъ друзьямъ о многотомныхъ историческихъ трудахъ своихъ, которые не были написаны, то, не имѣя денегъ, былъ занятъ проектомъ помощи бѣднымъ студентамъ. Онъ жилъ, по собственному признанію, среди призраковъ, созданныхъ воображеніемъ.

Гоголь былъ превосходнымъ чтецомъ собственныхъ произведеній, но былъ скупъ на публичныя выступленія. Чтеніе его, по словамъ Тургенева, отличалось простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной, и въ то же время наивной искренностью, которой словно и дѣла нѣтъ, есть ли тутъ слушатели и что они думаютъ».

Обликъ Гоголя въ послѣдній годъ его жизни четко зарисованъ Тургеневымъ. Гоголь стоялъ передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ. «Онъ былъ одѣтъ въ темное пальто, зеленый бархатный жилетъ и коричневые панталоны. Какая-то затаянная боль и тревога примѣшивались къ постоянно пронизательному выраженію его лица. Его бѣлокурые волосы, которые отъ висковъ падали прямо, какъ обыкновенно у казаковъ, сохранили еще цвѣтъ молодости, но уже замѣтно порѣдѣли; отъ его покатаго, гладкаго бѣлаго лба попрежнему такъ и вѣяло умомъ. Въ небольшихъ карихъ глазахъ искрилась по временамъ веселость — именно веселость, а не насмѣшливость, — но вообще взглядъ ихъ казался усталымъ. Длинный заостренный носъ придавалъ физиономіи Гоголя нѣчто хитрое, лисье... Маленькій подбородокъ Гоголя уходилъ въ широкій бархатный черныи галстукъ».

Въ эту встрѣчу съ Тургеневымъ Гоголь, противъ обыкновенія, говорилъ оживленно, «размѣренно отталкивая и отчеканивая каждое слово». Слушая Гоголя, вглядываясь въ его черты, Тургеневъ мысленно воскликнулъ:

— Какое ты умное, и странное, и больное существо!